

В вип-кабинке включили караоке-режим — разноцветные огни ослепительно запестрели, порождая легкое головокружение. На стеклянном столике теснились бутылки дорогого вина и шампанского, а на небольшой сцене отчаянно зажигали двое парней.

Войдя, Чэн Фань сразу заметил Чэн Аня, сидевшего в окружении компании парней и девушек лет двадцати. Чэн Ань явно не ожидал увидеть здесь брата, да еще и с таким ледяным выражением лица. Музыка затихла, и все присутствующие уставились на вошедшего.

Сбросив секундное оцепенение, Чэн Ань презрительно усмехнулся:

— Надо же, кто к нам пожаловал! Неужели сам Чэн Фань? Тот самый, который сбежал к мужику под крылышко, спит с ним уже полмесяца и плевать хотел на уговоры родителей?

Се Юйчэнь, поспешно следовавший за Чэн Фанем, зашел следом. При виде девиц в коротких топах, бесстыдно поивших парней прямо из бутылок, он брезгливо поморщился. И подумать не мог, что Чэн Ань, несмотря на юный возраст, развлекается столь грязно.

Линь Сицун тут же поддакнул:

— И это отпрыск приличной семьи! Без штампа в паспорте открыто сожительствовать с кем-то... Какое позорище!

— Точно. Наверное, ему просто невтерпеж.

— Твоя репутация и ломаного гроша не стоит, — подхватил Чэн Ань, — но если ты опозоришь семью Чэн, как собираешься искупать вину?

Его визгливый голос до того резал слух, что Се Юйчэню захотелось заткнуть уши.

В соседней лаунж-зоне Ли Цянь недовольно нахмурился и велел своим людям утихомирить разбушевавшихся соседей.

С Чэн Анем тусовалась в основном золотая молодежь — младшие сыновья влиятельных семейств, чьи отцы или старшие братья держали бразды правления бизнесом. Сами же эти бездельники лишь прожигали жизнь, ждали отправки за границу ради престижного диплома, чтобы потом вернуться и занять теплое местечко в семейной компании.

— Слыхал поговорку: «На дешевку спроса нет»? Те, кто вешается на шею сами, как твой братец, обычно заканчивают очень плохо.

— Мой брат упоминал, что Се Чунъянь улетел за границу ради важного контракта, его не было в стране полмесяца. Получается, попользовался и бросил?

Гнусные насмешки сыпались со всех сторон. Се Юйчэнь не выдержал: откуда у этих ублюдков столько яда? Он уже засучил рукава, готовый ринуться в драку, но Чэн Фань остановил его, преградив дорогу рукой.

Чэн Фань даже не разозлился. Он высоко поднял голову, небрежно взял со стола бутылку шампанского и медленно подошел к Чэн Аню. Смерив его ледяным, царственным взглядом, Чэн Фань резко замахнулся.

Раздался звонкий удар.

Бутылка разлетелась вдребезги о стеклянную столешницу. Осколки брызнули во все стороны, заставив одну из девиц испуганно завизжать.

Чэн Ань, не ожидавший такой прыти, испуганно вжался в спинку дивана.

— Ты... ты что творишь?!

Чэн Фань невозмутимо присел на край стеклянного стола, вальяжно закинув ногу на ногу. В его руке осталось лишь разбитое горлышко — острые стеклянные зубья зловеще поблескивали в свете софитов, а на пол лениво капали остатки шампанского.

— Это я-то позорю семью Чэн? — ровным голосом произнес он. — А не тот ли, кто годами трезвонил на каждом углу, будто я слабоумный, тайно мечтая стереть имя Чэн в порошок?

Глядя на острые сколы в руке брата, Чэн Ань затаил дыхание:

— О чем ты вообще? Я не понимаю твоего бреда.

Чэн Фань насмешливо прищурился:

— Не понимаешь? Что ж, давай поговорим о вещах более доступных твоему уму. Например, о том, как ты публично признался в любви Се Чунъяню, а он выставил тебя за дверь как бракованный товар? Или о том, как ты с самого детства списывал на всех экзаменах, но все равно умудрялся плестись в середнячках?

В кабинке воцарилась мертвая тишина. Лицо Чэн Аня пошло багровыми пятнами от ярости и унижения. Не выдержав, он огрызнулся:

— Да ты просто потаскун, который успел раздвинуть ноги перед Се Чунъянем раньше меня! Мой дражайший братец силен только в одном — в грязных постельных интригах, тут тебе равных нет!

Чэн Фань лишь усмехнулся:

— У кого у самого рыльце в пушку, тот и в других видит лишь грязь.

Он обвел ледяным взглядом притихшую компанию:

— Начнем с того, что мои отношения с Се Чунъянем — не ваше собачье дело. Но даже если мы однажды разведемся, неужели я должен буду запереться в четырех стенах от стыда? Неужели вся ваша жизнь и ваша ценность как личности зависят исключительно от других людей? Если так, мне вас искренне жаль. Неудивительно, что никто из вас никогда не добьется ничего стоящего и не возглавит семейные дела. Вы рождены лишь для того, чтобы хлопать в ладоши за чужими спинами да поливать других грязью, теща свое ничтожное самолюбие.

С последним словом он с силой швырнул обрубок бутылки в стену. Громкий звон бьющегося стекла окончательно лишил присутствующих дара речи.

Се Юйчэнь за его спиной стоял тише воды, ниже травы, боясь даже вздохнуть. Его новоиспеченный родственник оказался невероятно крут. Столько уверенности, столько царственной гордости... Такое невозможно сыграть.

Окончательно потеряв лицо перед друзьями, Чэн Ань перестал соображать, что несет. Он брызнул слюной, стараясь побольнее уколоть брата:

— А твоя ценность в чем? Выскочить за какого-то проходимца и разыгрывать из себя обиженного мужа в золотой клетке?!

Чэн Фань только открыл рот, чтобы ответить, как из-за его спины донесся глубокий, бархатистый голос:

— Кого ты сейчас назвал проходимцем?

При звуке этого знакомого голоса кровь в жилах Чэн Аня мгновенно застыла. Он вскинул ошарашенный взгляд на стоявшего в дверях мужчину.

Остальные тоже отлично знали Се Чунъяня. А тот самый мажор, который только что разглагольствовал о его делах за границей, внезапно увидел за спиной гостя собственного старшего брата и тут же захотел провалиться сквозь землю.

После двух суток непрерывной работы на износ Се Чунъянь и без того был измотан и раздражен. Услышанное окончательно переполнило чашу его терпения. Напускная мягкость за стеклами его очков в серебряной оправе испарилась без следа, уступив место тяжелой, ледящей ауре.

Засунув руку в карман брюк, он неторопливо направился к Чэн Аню. Ему не нужно было ничего делать — одного его ледяного, пронзительного взгляда хватило, чтобы недавние заносчивые наглецы начали испуганно пятиться.

Чэн Фань выпрямился как струна. Свою руку, порезанную осколками стекла, он незаметно спрятал в карман, сохраняя на лице все то же высокомерное и бесстрастное выражение.

Чэн Ань не смел поднять глаз. Он судорожно сжал кулаки, чувствуя, как к горлу подступают слезы бессилия, и виновато опустил голову.

Сян Чжи и Линь Юйтань, стоявшие у дверей кабинки, тихо переглянулись.

— Думаю, Чунъяня еще никто в жизни не называл проходимцем, — хмыкнул Сян Чжи.

Се Чунъянь подошел вплотную к столу.

— Я жду ответа на свой вопрос, — жестко произнес он, и этот тон не оставил Чэн Аню ни единого шанса промолчать.

После долгого, удушливого молчания Чэн Ань едва слышно пролепетал:

— Простите... Я сболтнул лишнего.

Се Чунъянь смерил его презрительным взглядом:

— Твой бред оскорбляет честь Чэн Фаня и мою лично. Кто за это ответит? Ты сам или твоя семья?

Чэн Ань похолодел от ужаса. Если Се Чунъянь решит поговорить с его матерью, о карманных деньгах на ближайшие полгода можно будет забыть.

— Извините... Пожалуйста, простите меня ради Чэн Фаня, я ведь его брат, — дрожащим голосом взмолился он, окончательно растеряв остатки гордости.

Чэн Фань презрительно фыркнул:

— Что-то ты не особо помнил о братских узах, когда поливал меня грязью.

Сжав кулаки, Чэн Ань согнулся в угодливом поклоне:

— Сяо Фань, прости меня. Я был кругом неправ.

Чэн Фань демонстративно отвернулся.

Тогда Се Чунъянь перевел тяжелый взгляд на остальных бездельников. Те мгновенно все поняли и гурьбой бросились к Чэн Фаню:

— Чэн Фань, прости нас, дураков! Язык мой — враг мой.

— Да, мы виноваты, прости, Чэн Фань! Не держи зла.

Однако Се Чунъянь не собирался спускать им это с рук только потому, что перед ним стояли сопляки едва за двадцать. Он посмотрел на Чэн Фаня:

— Ты прощаешь их? Можешь не прощать.

От его последних слов Чэн Фань на секунду растерялся. Он удивленно взглянул на Се Чунъяня, а затем упрямо поджал губы:

— Не прощаю.

— Хорошо, — кивнул Се Чунъянь. — В таком случае я побеседую с их родителями и старшими братьями.

Услышав о неминуемой расплате, золотая молодежь заскрежетала зубами от досады. Теперь они косились на Чэн Аня с откровенной злостью и пренебрежением.

— Идем, — мягче добавил Се Чунъянь, взглянув на Чэн Фаня.

Тот молча кивнул и поднялся.

У самого выхода Се Чунъянь на секунду задержался и, не оборачиваясь, бросил Чэн Аню:

— Какие бы цели ты ни преследовал, пытаюсь породниться с семьей Се, для начала советую тебе посмотреть в зеркало и трезво оценить свои шансы.

Стоило Се Чунъяню и его свите скрыться за дверью, как несостоявшиеся друзья набросились на Чэн Аня с ругательствами, после чего, злобно ворча, поспешили разойтись по домам.

В полумраке длинного коридора Чэн Фань молча шел следом за Се Чунъянем, не сводя взгляда с его широкой спины. Простой спортивный костюм... Тот явно приехал сюда не напрямую из аэропорта.

Сян Чжи, шагавший чуть впереди, попытался разрядить обстановку:

— Да брось ты, Чунъянь, не принимай близко к сердцу. Обычная сопливая шпана.

Ли Цянь торопливо закивал:

— Моя вина, не уследил. Хотел как лучше — встретить тебя после возвращения, помочь расслабиться, ведь ты уже два дня как в стране. Кто же знал, что мы наткнемся на этих недоумков.

Чэн Фань невольно замедлил шаг.

«Два дня?.. Значит, Се Чунъянь вернулся еще два дня назад?»

Но ведь он не поехал домой отдохнуть, как уверял дворецкий дядя Чэнь.

Тяжелый опыт прошлой жизни сделал Чэн Фаня болезненно ранимым. За маской внешней холодности и высокомерия скрывалась глубокая неуверенность в себе, в которой он не признался бы даже под пытками.

В голову закралась горькая догадка: быть может, в доме Се изменилось что-то такое, из-за чего Се Чунъянь теперь избегал возвращения? И этим изменением был не кто иной, как он сам.

Порезанный палец почти не болел, кровь успела запечься. Чэн Фань сильнее сжал раненую руку в кармане, пытаясь совладать с нахлынувшей тоской.

«Кажется, я совсем потерял голову, — с грустью подумал он. — Принял чужой дом за свой собственный, даже нагло попросил выделить мне комнату под танцевальный класс. Мы ведь сразу договорились: как только все уладится, мы разведемся. Своим присутствием я лишь обременяю его».

Он просто забыл, что у него никогда не было своего угла. И никогда не будет.

В тусклом свете коридора Чэн Фань шел с низко опущенной головой. Мягкие пряди упали на лоб, скрывая повлажневшие глаза. Ему не хотелось быть обузой. Если его присутствие доставляет неудобства, он уйдет сам. Прямо сейчас.

Заметив, что юноша отстал, Се Чунъянь остановился и обернулся:

— Чэн Фань.

Чэн Фань медленно подошел к нему и, заставив себя прямо посмотреть мужчине в глаза, ровным голосом произнес:

— Знаешь... Если мое присутствие в твоём доме усложняет тебе жизнь, я могу съехать.

Се Чунъянь никак не ожидал услышать подобное. Он молча разглядывал юношу, сквозь напускную гордость которого отчетливо сквозила глубокая обида.

— Не понимаю, к чему ты клонишь, — спокойно ответил он.

Чэн Фань судорожно выдохнул:

— К тому, что тебе больше не придется два дня прятаться по углам после возвращения из командировки, лишь бы не пересекаться со мной.

С этими словами он порывисто вытащил руку из кармана и быстро смахнул набежавшую слезу, на секунду обнажив израненный палец.

— Я соберу вещи сегодня же.

Не успел Се Чунъянь опомниться, как Чэн Фань развернулся и быстро зашагал прочь.

Ничего не понимающий Фан Юйчэнь удивленно крикнул ему вслед:

— Эй, ты куда?

Сян Чжи, наблюдавший за этой сценой со стороны, покачал головой:

— Что у вас стряслось? Побили горшки?

Се Чунъянь нахмурился. Достав телефон, он быстро набрал номер секретаря Циня, ждавшего в машине:

— Чэн Фань только что выбежал на улицу. Догони его и отвези домой.

Убрав трубку, он негромко пояснил друзьям:

— Обиделся, что не предупредил о возвращении.

Сян Чжи весело хмыкнул:

— Надо же. Еще даже не поженились, а он уже держит тебя в ежовых рукавицах.

<http://bllate.org/book/19809/1988374>